

АЛЕКСАНДРА САПИЕВА

БОСС
В ОТПУСКЕ

НА ОПАСНО КОРОТКОЙ ДИСТАНЦИИ

Отпуск с боссом

Александра Салиева

**Босс в отпуске. На опасно
короткой дистанции**

«Александра Салиева»

Салиева А.

Босс в отпуске. На опасно короткой дистанции / А. Салиева — «Александра Салиева», — (Отпуск с боссом)

У меня был план: приехать к морю, расслабиться, загореть и забыть обо всём, что связано с работой. План сдох в первый же день. Сначала пропал мой чемодан со всеми вещами. Потом я застучала собственного босса в моей душевой. И если с чемоданом ещё можно как-то смириться, то с Михаилом Яхонтовым всё гораздо сложнее. Он циничный, бесчувственный, невозмутимый и слишком красивый для моего душевного равновесия. Нам быть вместе в отпуске никак нельзя! Я собиралась держать дистанцию. Честно. Но как соблюдать дистанцию с тем, кто ведёт себя так, будто давно уже всё решил за тебя?

© Салиева А.

© Александра Салиева

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александра Салиева

Босс в отпуске. На опасно короткой дистанции

Глава 1

Софья

– Красавица, ты так на машины смотришь, будто мужа выбираешь. Садись, я надёжный. Я медленно опустила солнечные очки на кончик носа и посмотрела поверх затемнённых стёкол на обладателя столь сомнительного брачного предложения.

Мужчина выглядел настолько колоритно, что казался частью местного туристического сервиса. Таких, как он, обычно печатают на рекламных магнитиках рядом с кавказскими горами и орлами. Лет пятидесяти пяти, плотный, загорелый, с роскошными усами и хитрым прищуром – он выглядел, как тот, кто за свою жизнь успел обаять половину Дагестана, а если и не совсем обаять, то как минимум уговорить на скидку. Его футболка была безупречно белой, улыбка лучилась искренним радушием. И всё это выглядело настолько подозрительно, что я машинально проверила, на месте ли телефон.

Телефон был на месте. Чемодан на колёсиках, за ручку которого я держалась второй ладонью, тоже пребывал в целостности и сохранности.

В отличие от моего душевного равновесия, которое осталось где-то между Шереметьево и посадочной полосой.

Повторный осмотр парковки перед аэропортом Махачкалы особого результата тоже не принёс. Вокруг всё так же было полно машин, шумных встречающих и таких же, как этот, чрезмерно уверенных в себе таксистов. А ещё стояло лютое пекло. Хотя после московской офисной духоты даже эта жара воспринималась, как подарок судьбы. Южный воздух пах не только морем, горячим асфальтом, но и свободой.

Это же мой первый отпуск за пять лет!

Меня ждало целых две недели без срочных звонков, писем с пометкой «нужно ещё вчера», таблиц и договоров. А самое главное – без Михаила Ефимовича Яхонтова.

От одной мысли о последнем я ощутила почти физическое облегчение, ведь если бы трудоголизм передавался воздушно-капельным путём, моего босса давно держали бы в герметичной лаборатории как особо опасный биологический материал.

Хорошо, что теперь между нами аж несколько тысяч километров...

– Красавица, – напомнил о себе таксист, – ты так задумалась, будто уже в мыслях делишь имущество после развода со мной. Я, конечно, польщён, но мы даже не познакомились.

Ладно. Всё-таки он мне нравился.

– Мне в Каспийск, – подвела нехитрый итог и вслух.

В ответ он театрально распахнул пассажирскую дверь.

– Саид, – представился следом. – Лучший водитель на всём побережье и самый скромный человек в республике.

– Софья, – невольно усмехнулась.

– Красивое имя. Значит, поездка будет хорошая.

Я скептически посмотрела на его старенькую, но идеально чистую машину.

– Это вы по моему имени определили?

– Нет, красавица. По глазам. У хороших людей всегда взгляд усталый.

Я сперва растерянно моргнула, а потом неожиданно даже для самой себя улыбнулась.

Пожалуй, мой долгожданный отпуск действительно начался. И ничто, абсолютно ничто не могло его испортить.

Тем более, что Саид действительно оказался лучшим водителем на всём побережье. По крайней мере, именно так он сообщил мне ещё трижды за первые пять минут поездки, причём каждый раз с такой искренней гордостью, будто это звание ему лично присвоил президент.

Машина мягко катила по дороге, кондиционер приятно охлаждал кожу, а за окном постепенно разворачивались красочные виды степей, переходящих в горные хребты с одной стороны и бесконечная синяя гладь, сливающаяся с просторными песчаными пляжами, с другой. Очень быстро они стёрли из моей головы воспоминания о стерильных московских пейзажах из стекла, бетона и людей, которые всегда куда-то бегут с таким видом, словно опоздание карается расстрелом.

Я даже позволила себе расслабиться.

Совсем чуть-чуть.

Настолько, чтобы впервые за несколько месяцев перестать проверять телефон каждые три минуты.

– Первый раз у нас? – поинтересовался Саид, покосившись на меня в зеркало.

– Заметно? – удивилась в ответ.

– Конечно, – кивнул мужчина.

– И как вы это определили? – прищурилась я.

Он пожал плечами.

– Московские всегда одинаковые. Сначала смотрят настороженно, – усмехнулся. – Потом расслабляются и начинают фотографировать всё подряд. Даже заправки.

– Я постараюсь держаться достойно и не фотографировать их, – тоже усмехнулась и снова посмотрела в окно.

Вместе с тем поймала себя на странном ощущении, будто всё это происходит вовсе не со мной. Будто где-то в Москве прямо сейчас существует другая версия Софьи Белозёрской, которая до сих пор сидит в приёмной Михаила Ефимовича Яхонтова, сортирует документы, отвечает на звонки и привычно вздрагивает от сухого и строгого: «Софья Андреевна, зайдите». В конце концов, довольно сложно расслабиться, когда привыкла жить, словно белка в колесе, и организм пока ещё не понял, что это уже не обязательно, можно сменить режим.

– Отдыхать приехала или сердце лечить?

Вопрос прозвучал неожиданно, заставил задуматься.

– Это у вас стандартный набор вопросов для пассажиров? – ответила вопросом на вопрос.

– Конечно, – ничуть не смутился Саид. – Ещё я обязательно спрашиваю, есть ли муж, сколько он зарабатывает и почему такой красивой девушке грустно.

Я рассмеялась.

– А если я отвечу на все эти вопросы, что потом?

– Потом я буду переживать за тебя как родной дядя.

Я вновь улыбнулась, подумала ещё немного и решила сознаться:

– Мужа нет.

В отличие от меня, таксисту размышлять над моей речью было необязательно, как и над своей.

– Хорошо, – кивнул на мои слова.

– Почему это? – опять удивилась.

– Значит, не придётся переживать ещё и за него, – снисходительно пояснил Саид, чем опять немало повеселил.

– Я просто в отпуске, – покачала головой.

– Работа тяжёлая? – спросил он вдруг.

Я хмыкнула. Назвать мою работу тяжёлой, это как назвать Эверест слегка неровной местностью.

– Я работаю помощницей руководителя в промышленном холдинге, – решила обобщить.

– А шеф кто? Мужчина или женщина?

– Мужчина.

Саид понимающе цокнул языком, словно это автоматически объясняло все мои жизненные страдания.

– Старый?

– Ему тридцать восемь. А что?

– Молодой ещё. Значит, вредный.

Я невольно улыбнулась.

– Очень.

– Женат?

Я покосилась на него.

– А это причём?

– Для статистики.

– Нет, не женат.

Саид кивнул с видом человека, чья внутренняя теория мироустройства только что получила очередное подтверждение. О том мне, спустя пару секунд и сообщил:

– Всё ясно.

– Что именно вам ясно? – не поняла я.

– Если мужчина не женат к сорока и настолько мучает свою красивую секретаршу, что она даже в отпуске смотрит на мир, будто всё ещё на работе, значит, характер у него тяжёлый, – пояснил таксист.

– Всё не настолько плохо, – фыркнула я, бессовестно соврав.

На самом деле всё именно так и обстояло. Иногда казалось, что Михаил Ефимович искренне не понимает, зачем людям нужен сон. Или выходные. Или человеческая нервная система. Он сам словно существовал в каком-то своём идеально организованном измерении, где сутки, вероятно, длились минимум сорок часов, а кофе появлялся на его столе по мысленной команде.

Но что я всё о нём и о нём?

Я впервые за пять лет абсолютно свободна!

И Саид прав, стоило пользоваться своим отпуском по полной.

Примерно о том же я вознамерилась ему заявить, но наш диалог прервал телефонный звонок. Разговаривал таксист при помощи гарнитуры, на неизвестном мне языке и недолго. Но разговор, судя по всему вышел не из приятных, потому что когда Саид отключил связь, то тяжело вздохнул и стал похож на человека, который вынужден открыть свою самую страшную семейную тайну. Примерно так и сказал:

– Красавица, появились обстоятельства.

– Какие? – настороженно отозвалась я в ответ.

Он сделал драматическую паузу.

– Тёща.

Я моргнула.

– Чья тёща?

– Моя. Велела забрать ковёр с автомойки. Автомойка нам будет как раз по пути. Придётся заехать. Ты же не против?

Против я или нет, мир так и не узнал. Пока я размышляла над тем, насколько я против или же нет, Саид повернулся ко мне всем корпусом, посмотрел с искренним страданием, а затем добавил:

– Если не заберу сейчас, Гюльнара Магомедовна решит, что я саботирую семейные ценности. А это уже почти развод.

– С вашей женой? – машинально уточнила я.

– Хуже, – опроверг он. – С жизнью.

Я невольно фыркнула. Зато Саид просиял, явно довольный произведённым эффектом.

– Одна минута, красавица, – пообещал следом. – Некоторые люди боятся налоговой, а я боюсь тещу. Ты же не бросишь меня в беде?

Вопрос был риторическим. А вскоре машина и правда свернула с дороги, после чего плавно вкатилась на территорию автомойки. Едва колёса остановились, Саид бодро выскочил из машины и исчез за стеклянными дверями ближайшего бокса.

Так мой первый день отпуска официально включил участие в спецоперации по спасению чужой жизни и возвращению ковра.

Но у меня же отпуск!

Решила не заикливаться на мелочах и, пользуясь моментом, размять ноги. К тому же, едва я выбралась из машины, мой телефон ожил, коротко завибрировав в ладони.

Марина прислала сообщение: *«Жива? Как долетела?»*

Поездка в такси вышла недолгой, но ноги немного затекли, поэтому я сперва сделала несколько шагов, только потом набрала в ответ: *«Жива. Еду в арендованный домик. Пока главное приключение заключается в том, что мой таксист бросил меня на автомойке ради ковра своей тёщи»*.

Ответ прилетел мгновенно: *«Это точно отпуск или прелюдия к похищению?»*

Я успела лишь усмехнуться, когда экран вспыхнул входящим звонком. От неё же.

– Что? – ответила.

– Ничего, – подозрительно весело хмыкнула Марина. – Просто решила проверить, что тебя точно не похитили, а то как же я потом твоему Яхонтову свету в оконце в глаза буду смотреть?

Однажды, после особенно тяжёлой рабочей недели, подруга увидела, как я по-привычке проверяю почту в субботу вечером, и с тех пор искренне считала мои отношения с начальником какой-то особо запущенной формой эмоциональной зависимости. И называла его соответственно. Так что мне ничего не осталось, как закатить глаза.

– Если ты сейчас про Михаила Ефимовича, то он за тысячи километров от меня и, надеюсь, уже объясняет диким медведям преимущества строгой корпоративной дисциплины, так что даже не вспомнит о моём существовании.

Марина хмыкнула.

– Не верю.

– Во что именно? Что он выживет после встречи с медведями?

– В твоё равнодушие. Ты пять лет живёшь по его расписанию. Просыпаешься, когда просыпается он. Ешь, когда у него окно между совещаниями. Дышишь исключительно после согласования. Ты и в отпуск смогла уехать только потому, что отправила его на Аляску.

Что сказать...

– Я не дышу по согласованию, – единственное, о чём проворчала я.

– Конечно. Просто внутренне визируешь каждый вдох, – съехидничала Марина.

Я невольно улыбнулась. А Марина продолжила с издевательской нежностью:

– Ну признайся, тебе уже не хватает этого сурового взгляда, от которого вянут даже кофемашины.

– Скорее все медведи на Аляске реально освоят деловой этикет, чем я буду скучать по Михаилу Ефимовичу.

– Запомню эту фразу, – хмыкнула она.

– Лучше запомни, что через две недели я вернусь новым человеком, – противопоставила я встречно.

– Ага. Просветлённой, загорелой и наконец свободной от Яхонтовой секты, – деланно вежливо покивала подруга.

– Именно, – сделала вид, что не заметила никакой подоплёки, я.

– Ну-ну. Ладно, отдыхай. И передавай привет ковру.

Я сбросила вызов, улыбаясь. Подняла глаза. И не сразу поняла, что именно не так. Но очень быстро внутри всё неприятно похолодело.

Ведь такси на мойке уже не было!

Глава 2

Машины Саида не было!

Я моргнула, словно это могло помочь. Потом ещё раз, уже с внутренним напряжением, но старая серебристая иномарка от этого обратно не материализовалась. Сперва я подумала, что он мог её перепарковать, чтоб не мешать кому-то выехать из бокса. Но нет. Машины не было не только перед боксом, но и вообще на территории. Несколько секунд я просто стояла, пытаясь понять, не переутомилась ли настолько, что начала терять крупногабаритные объекты прямо у себя на глазах. Потом медленно перевела взгляд на собственные руки.

При мне оставался телефон и очки, а ещё дурацкая резинка для волос на запястье. Но и только. Мой чемодан со всей одеждой, взятой на время отпуска, сумка с паспортом и кошельком, где лежали банковскими карты и наличные, плюс телефонная зарядка и косметика... Всё это исчезло в багажнике лучшего водителя побережья по совместительству самого скромнейшего человека Дагестана.

Вашу ж мать!

Я рванула к выезду с автомойки так резко, как будто в самом деле могла догнать машину пешком, да ещё и на каблуках. Недалеко убежала. На третьем шаге здравый смысл всё же взял верх, заодно вежливо напомнил, что спринтер из меня примерно такой же, как балерина из Михаила Ефимовича Яхонтова.

Я остановилась, тяжело выдохнула и медленно прикрыла глаза.

И что теперь?! Что мне теперь делать?!

Мой первый за пять лет отпуск развивался настолько успешно, что меня успели бросить посреди Дагестана раньше, чем это сделал хоть один мужчина в моей жизни.

– Девушка, вам плохо?

Обернувшись на голос, я увидела женщину средних лет в ярком платке. Она смотрела на меня с таким искренним беспокойством, будто мы были знакомы лет двадцать, и я только что призналась ей в тяжёлой зависимости от микрозаймов. На секундочку мне стало легче от одного её взгляда. Дальше всё вышло ещё проще.

– Меня... кажется, только что бросили, прихватив с собой все мои вещи, – честно ответила я.

Женщина нахмурилась.

– Как это?

И вот тут произошло то, к чему меня совершенно не подготовила вся моя сознательная взрослая московская жизнь. Не успела я толком объяснить сложившуюся ситуацию, как вокруг начали собираться люди. Сначала подошёл какой-то мужчина с сеткой фруктов, потом ещё один, затем откуда-то материализовался худой подросток в кепке, а женщина уже сунула мне в руку бутылку холодной воды.

Через полминуты мою проблему обсуждали так сосредоточенно, словно речь шла о спасении особо важного государственного объекта.

– Номер машины помнишь?

– Как зовут?

– Куда ехали?

– Как выглядит?

Я отвечала едва ли осознанно, скорее машинально, всё ещё не до конца веря, что стала центром стихийной спасательной операции.

В Москве в лучшем случае мне бы посоветовали обратиться в полицию и не загромождать проход. Здесь же мой забывчивый таксист явно был обречён на немедленное общественное порицание.

Подросток тем временем и вовсе уже кому-то звонил с таким суровым видом, словно именно он координировал разворачивающуюся спецоперацию. Почему именно он, я поняла чуть позже. Будучи администратором автомойки, ведущим учёт всех клиентов, через несколько минут этот парень коротко кивнул кому-то в трубку, после чего посмотрел на меня с выражением человека, сообщающего неприятный, но не смертельный диагноз:

– Нашли.

Я подалась вперёд так резко, что едва не расплескала воду в открытой бутылке.

– Где? Он же вернётся?

– Он клянётся, что не собирался ничего красть. Когда отъехал, не знал, что вы вышли из машины, и вообще сейчас умрёт от стыда. Но вернуться не может. Машина сломалась.

Я медленно выдохнула. Прокомментировать собственную реакцию не успела. Телефон сердечной женщины в платке уже оказался у моего уха, и из динамика донёсся убитый голос Саида:

– Красавица, клянусь, я думал, ты со мной!

Я прикрыла глаза, вдохнула-выдохнула снова. У меня никак не находилось слов, чтобы выразить весь масштаб того, что я думала по этому поводу. Они, кстати, и не требовались.

– Машина умерла, красавица, – продолжал трагическим тоном Саид. – Я вернусь часа через два, не раньше. А может через четыре. Но вернусь! Честное слово! Гюльнара Магомедовна тоже переживает.

Упоминание тёщи вызвало нервный смешок. Я поморщилась и медленно сжала переносицу, чувствуя, как внутри растёт странное спокойствие человека, достигшего той стадии нервного истощения, где истерика уже требует слишком больших энергетических затрат.

Поймала я своеобразный дзен, в общем...

Ждать два, а то и четыре часа, посреди автомойки в мои планы не входило, поэтому я подняла голову и посмотрела на окружающих меня людей.

– А отсюда можно как-нибудь уехать в Каспийск?

Ответом мне стал слаженный дружный гул голосов. А ещё через несколько минут меня усадили в серебристый кроссовер к серьёзному молчаливому Рашиду, который, полностью посвящённый в мою ситуацию, смотрел на меня так сочувственно, словно я только что пережила стихийное бедствие. И в каком-то смысле так оно и было.

Когда машина плавно тронулась, я устало откинулась на сиденье и прикрыла глаза. За неполные два часа в Дагестане меня успели обаять, забыть, коллективно спасти и пересадить в новый транспорт.

Ну и начало отпуска у меня...

С другой стороны, всё это всё равно выглядело менее катастрофичным в сравнении с обычным рабочим понедельником с Михаилом Ефимовичем Яхонтовым, так что я не отчаивалась.

Дорога до нужного адреса заняла около сорока минут, и за всё это время Рашид произнёс ровно три фразы. Первой фразой стало короткое «садитесь», второй – уточнение адреса арендованного мной на время отпуска домика, а третьей уже у самого побережья:

– Приехали.

Машина остановилась у невысокого светлого домика с аккуратной верандой и узкой тропинкой, уходящей к пляжу. Где-то совсем рядом шумело море. Если верить объявлению, до него было ровно двести пятьдесят шесть метров. Не двести пятьдесят и не двести шестьдесят, а именно двести пятьдесят шесть. Эта странная точность почему-то внушала доверие, и, когда я листала сайт с предложениями аренды, именно благодаря этой точности я сделала свой выбор. Люди, способные измерять расстояние до воды с такой почти бухгалтерской педантичностью, обычно не врут про горячий душ и стабильный вайфай. Очень надеюсь.

Я расплатилась с Рашидом через онлайн банк и осталась стоять одна посреди тихой улицы, слушая шелест листвы и приглушённый морской рокот. В руках у меня по-прежнему был только телефон. Всё остальное – чемодан и сумка, со всей моей тщательно продуманной отпускной жизнью, продолжало путешествие по Дагестану вместе с Саидом и его жизненно необходимым ковром.

При воспоминании о нём телефон тут же завибрировал.

Сообщение от самого виновника сегодняшнего хаоса выглядело неожиданно трогательно: *«Красавица, машину скоро починят. Клянусь честью и Гюльнаррой Магомедовной, всё привезу. Не сердись»*

Я несколько секунд смотрела на экран, потом всё-таки усмехнулась. Удивительно, но сердиться и в самом деле не получалось. Видимо, человек, способный приплести к извинениям собственную тещу, автоматически получал скидку на способность косячить.

Смахнув сообщение, я направилась в дом.

Накануне мы с хозяйкой договорились, что ключ от входной двери она оставит под кадкой с белыми петуниями, справа от двери.

Так и вышло.

Ключ действительно лежал под тяжёлой керамической кадкой с цветами. Открыв дверь, я шагнула внутрь и на секунду замерла.

Дом встретил меня прохладой кондиционера, запахом натурального свежего дерева и той редкой правильной тишиной, которая бывает только в местах, где никто никуда не спешит. Обстановка выглядела скромно, но уютно. Светлая гостиная, диван у окна, кресло с пледом, небольшая кухня, за которой угадывались двери в спальню и ванную. Всё было обставлено ровно так, как на фотографиях в объявлении о сдаче жилья для отдыха в аренду.

Я медленно выдохнула и впервые за весь этот долгий день почувствовала, как напряжение отпускает плечи...

Вот теперь мой отпуск действительно начинался!

Никаких звонков. Никаких отчётов. Никаких людей, которым нужно срочно пересогласовать документ в субботу вечером только потому, что они внезапно вспомнили о его существовании.

И уж точно никаких Михайлов Ефимовичей Яхонтовых!

Телефон снова ожил. Марина прислала новое сообщение: *«Ну что, добралась? Твой Яхонтовый свет в оконце ещё не пожалел о том, что отпустил тебя? Или уже позвонил с проверкой, правильно ли ты без него отдыхаешь?»*

Прочитав послание от подруги, я демонстративно фыркнула и быстро напечатала: *«Если он хоть как-то даст о себе знать до того как мой отпуск закончится, я лично утоплю его в Каспийском море»*

Отправив сообщение, я бросила телефон на диван и потянулась к пуговицам блузки, расстёгивая их одну за другой.

Как же я мечтала о душе...

О горячей воде, способной смыть с меня весь этот липкий дорожный день. О двадцати минутах тишины, в течение которых никто не будет требовать найти презентацию, которую сам же удалил неделю назад. О праве просто постоять под струями воды и ни о чём не думать.

Я закончила расстёгивать блузку и бросила её на кресло. Прохладный воздух приятно коснулся кожи. Скинув босоножки, я босиком прошла по гладкому полу к двери ванной и уже взялась за ручку, когда вдруг услышала шум льющейся воды с той стороны.

Я замерла.

Секунду просто стояла, пытаюсь убедить себя, что это слуховая галлюцинация, вызванная переутомлением. Или протечка? В любом случае, факт оставался фактом – шум воды мне точно не мерещился.

За дверью кто-то был?

Учитывая, что этот дом я полностью сняла только для себя одной, мысль показалась абсолютно абсурдной и мозг отказался даже формулировать её до конца. Вместе с тем я, распахнув дверь, чтобы не теряться в догадках, открыла рот, чтобы во всеуслышание заявить:

– Какого...

Как дар речи напрочь отказал. Просто потому, что под упругими косыми струями воды в душевой стоял... мой личный кошмар!

Он же Михаил Ефимович Яхонтов.

Совершенно невозмутимый, мокрый, полностью обнажённый и до омерзения спокойный. И словно мало мне всего того, что уже произошло, мой личный кошмар, тоже осознав, что уже не один, лишь скользнул по мне коротким взглядом, даже не изменившись в лице.

Только произнёс привычно суховатым тоном:

– Софья, в офисе вы хотя бы стучались.

Глава 3

– Софья, в офисе вы хотя бы стучались.

Чуть хриплый баритон Михаила Ефимовича звучал так ровно и спокойно, будто он не стоял сейчас совершенно голый под струями воды в моём отпускном домике, а сидел за своим рабочим столом и вежливо напоминал мне о регламенте внутреннего документооборота.

Наверное, именно это окончательно добило мой мозг.

Не сам факт его присутствия. Не то, что этот человек вообще-то должен был находиться где-то на Аляске, а не в двух шагах от меня. Даже не то, что я стояла перед ним в одном кружевном белье, которое однажды Марина заставила меня купить со словами: «Пусть хотя бы твои трусы выглядят интереснее, чем твоя жизнь».

Нет.

Добило меня именно его спокойствие. Абсолютное, возмутительное, ледяное спокойствие человека, который, кажется, вообще не считал происходящее чем-то выходящим за рамки норм.

Хотя, если быть честной с собой, дело было не только в этом...

Мой взгляд предательски отказывался подчиняться здравому смыслу и упорно цеплялся за детали, на которые совершенно точно не следовало смотреть. Например, воду, стекающую по широким мужским плечам, напряжённый рельеф груди. Или дорожку капель, медленно скользящую ниже, по совершенно неприлично очерченному прессу.

Мой начальник, судя по всему, тайно вёл какую-то параллельную жизнь, где регулярно снимался для рекламы дорогих часов, элитного алкоголя или, на худой конец, мужского фитнес-клуба. Потому что у человека, который питался кофе, чужими дедлайнами и корпоративной яростью, просто не могло быть такого тела.

Но оно было.

Это противоречило всем законам природы. Или хотя бы трудовому кодексу.

Я судорожно подняла взгляд выше и тут же наткнулась на его глаза. Вот тогда мне стало по-настоящему не по себе.

Потому что он и сам смотрел не так, как обычно смотрел...

Не тем сухим, чуть усталым взглядом руководителя, который регулярно оценивал, насколько качественно составлен отчёт и почему в нём опять шрифт не того размера, который ему больше нравится.

Нет.

Этот взгляд новой версии Михаила Ефимовича был слишком пристальным, слишком цепким и слишком откровенно... мужским.

Тут-то я наконец, и вспомнила не только про босса. Про собственные голые плечи и кружево, которое почти ничего не скрывало, тоже вспомнила. Вспомнила я и то, как позорно застряла посреди дверного проёма, забыв не только о достоинстве, но и, кажется, о родном языке.

Именно это вернуло способность мыслить.

Стоп!

Почему мой босс вообще здесь?!

Мысль ударила в голову так ярко, что я наконец реально очнулась. С грохотом хлопнув дверью, я шарахнулась назад с такой скоростью, словно меня отбросило взрывной волной. Судорожно вцепившись в брошенную на кресло блузку, я осознала и то, что мои пальцы дрожали до такой степени, будто я не пыталась застегнуть пуговицы, а обезвреживала особо сложное взрывное устройство.

Разумеется, ничего не получалось.

Одна пуговица упорно не попадала в петлю, другая выскользнула, третья вообще, кажется, решила начать самостоятельную жизнь, вновь и вновь застревая в моих пальцах.

– Да что ж такое... – прошипела я сквозь зубы, дёргая ткань.

Требовалось срочно успокоиться!

Я же взрослая адекватная женщина. Меня не может вывести из равновесия какой-то голый начальник, принимающий душ. Особенно, если этот голый начальник выглядит как дорогостоящая ошибка природы, за которую эволюция ещё не отчиталась перед миром.

Медитируя таким образом, я даже почти справилась с последней пуговицей, когда дверь ванной комнаты опять открылась.

В отличие от меня, Михаил Ефимович никаких трудностей с нервной системой, не испытывал. Вышел, будучи уже в тёмных домашних шортах, с полотенцем на шее и всё с тем же безупречно спокойным выражением лица, от которого у меня чуть не случился новый припадок неврастении. Только влажные волосы, забранные пальцами назад, делали его непривычно... живым. И более... опасным.

– Софья Андреевна, могу я узнать, почему вы вломились ко мне в ванную в полураздетом виде? – скользнул он по мне ничего не выражающим взглядом и слегка приподнял бровь.

Неудивительно, что возмущение вспыхнуло во мне так ярко, аж мгновенно вытеснило все остатки смущения.

– Простите?! – перешла на фальцет, разумеется, имея в виду много чего, но точно не тему прощения.

Хотя босс почему-то мой недвусмысленный посыл не уловил.

– Я просто уточняю, – невозмутимо произнёс он. – Возможно, наша корпоративная этика претерпела некоторые изменения, и я просто не в курсе? Что вы вообще здесь делаете, Белозёрская?

Что *я* здесь вообще делаю?! **Я?!**

Всё моё возмущение моментально превратилось в ступор чистой ярости. Я чуть не задохнулась от неё.

– Я?! Это мой дом! Я его для себя сняла! – процедила сквозь зубы в сердцах. – Это что *вы* здесь делаете?

Выдержка Яхонтова всегда была намного лучше моей. Он и на этот раз посмотрел на меня так, будто ответ был очевиден даже комнатному фикусу. Но отвечать почему-то не спешил. О чём-то задумался. Наверное, о факте того, что дом – мой, а не его. Хотя вслух в итоге он выдал совсем иное:

– Принимал душ. Разве не очевидно?

Захотелось побиться головой об стену. Разумеется, не своей.

– Вы должны быть на Аляске!

Обвинение сорвалось с моих губ на фоне самых отвязных ругательств, пронёсшихся, к сожалению, только в моей голове. Но именно в этот момент что-то изменилось. Совсем чуть-чуть. Настолько неуловимо, что посторонний человек, возможно, ничего бы не заметил.

Но я заметила.

Собственно, если кто и мог заметить, то только я. Я работала с Михаилом Ефимовичем последние пять лет практически двадцать четыре на семь и знала все оттенки его настроения лучше, чем собственное состояние во время ПМС.

И сейчас Яхонтов злился. Очень злился.

– Должен был, – произнёс он сухо.

На несколько мгновений повисла короткая пауза. А потом он добавил таким тоном, от которого у меня внутри всё нехорошо сжалось:

– Но, к моему глубочайшему сожалению, вас не оказалось на рабочем месте, чтобы как следует проконтролировать этот процесс.

Если бы Михаил Ефимович повысил голос, начал язвить или хотя бы позволил себе привычный ледяной выговор, я бы, наверное, отреагировала куда спокойнее. Но именно эта его сдержанная сухость всегда означала высшую степень раздражения. Так Яхонтов говорил только тогда, когда был настолько зол, что уже не видел смысла тратить эмоции на внешние проявления.

Именно поэтому у меня внутри неприятно ёкнуло.

– Простите? – повторила я уже куда менее воинственно.

Он медленно снял полотенце с шеи, аккуратно положил его на спинку кресла и посмотрел на меня так, будто собирался сейчас зачитать квартальный отчёт о моих профессиональных провалах.

С учётом того, что на нём до сих пор были надеты только тёмные шорты, выглядело это особенно издевательски.

– Мой рейс на Аляску отменили из-за шторма, – произнёс босс. – И об этом вам, Софья Андреевна, должно было прийти соответствующее уведомление.

Если с рейсом, билет на который я лично оформляла для Яхонтова, действительно что-то случилось, то уведомление в самом деле должно было прийти. Все маршруты, изменения бронирований и служебные подтверждения автоматически дублировались мне на рабочую почту. Система была настроена мной давным давно и работала безупречно вот уже четыре с лишним года.

Но в том-то и дело!

На почту. Которую я не проверяла. Ведь я в отпуске.

Вот же... блинский блин!

И что самое ужасное во всём этом, Михаил Ефимович прекрасно уловил ход моих мыслей, потому что, пока я с тоской размышляла о бренности собственного бытия, во взгляде начальства мелькнуло то самое выражение, которое в офисе обычно означало: «Да-да, Софья Андреевна, именно это я и пытаюсь до вас довести».

Полный мрак!

– Но, поскольку вас не оказалось в зоне доступа, – продолжил с безупречной безэмоциональностью Яхонтов, – вопросом альтернативы для моего отпуска занималась Черкасова.

Тут мне стало совсем плохо.

Так плохо, как никогда!

– Алина?

– Рад, что память вас не подвела.

Алина Черкасова – наш младший офис-менеджер. Девочка двадцати четырёх лет с всегда идеальной укладкой, нервной улыбкой и патологическим желанием доказать, что однажды займёт моё место. Она не скрывала этого настолько старательно, что временами становилось даже неловко. Каждый раз, когда Яхонтов обращался ко мне напрямую, Алина смотрела на происходящее в нашем офисе так, будто наблюдала социальную несправедливость вселенского масштаба.

– И что именно она для вас сделала? – уточнила я уже без всякой надежды на благополучный исход для себя.

Михаил Ефимович чуть склонил голову набок.

– То, что обычно делаете вы. Попыталась срочно решить проблему. Что же ещё, по-вашему?

По-моему, вместо Аляски она могла бы отправить его на любой другой, нормальный курорт. Или хотя бы в Дубай. Но нет же...

Ну а вслух:

– Откуда мне знать? – съязвила я боссу в сердцах.

На этот раз недвусмысленность моего посыла была более чем очевидна. Но Яхонтов её почему-то опять не заметил. Зато выдержал паузу, явно наслаждаясь моим замешательством. И только после того, как я почти совсем отчаялась, соизволил снисходительно сообщить:

– Черкасова нашла на вашем столе договор аренды этого дома.

Я не сразу поняла всю глубину и сакральный смысл.

А когда поняла...

Нет! Нет-нет-нет!

Этого не могло быть...

Хотя, если честно, могло.

Ещё как могло, чтоб меня!

Потому что договор действительно остался лежать у меня на столе. Я его там тупо забыла, потому что очень спешила. Там, в одной из папок, среди согласованных командировочных документов. Да и оформляла я его, каюсь, через корпоративную почту, параллельно отвечая на служебные письма. В последний момент, прежде чем уйти из офиса в свой последний рабочий день, я отвлеклась на подготовку чёртовой поездки на Аляску и просто забыла забрать бумаги домой.

А стоило бы!

Я настолько не умела отдыхать, что даже собственный отпуск организовала как служебное поручение. И теперь ничего не оставалось, как молчать, переваривая масштаб катастрофы.

– Она решила, что это резервный вариант, да? – тихо уточнила я.

На самом деле ни в каких уточнениях уже ни один из нас не нуждался. Конкретно Яхонтов смотрел на меня с тем редким выражением молчаливого превосходства, которое появлялось у него только в двух случаях: когда он выигрывал особенно сложные переговоры или когда я сама создавала себе проблемы, а потом героически пыталась их решить, пока он потешался надо мной.

– Именно.

Где-то внутри стремительно умирала моя профессиональная репутация. А среди стен снятого на две недели отпуска домика в подтверждение тому разнёсся полный обречённости и разочарования стон. То, что одновременно с тем я прикрыла лицо обеими ладонями, не сделало его менее громким, чем хотелось бы.

– Михаил Ефимович...

– Софья Андреевна.

Я убрала руку и мрачно посмотрела на него.

– Не надо со мной сейчас разговаривать этим вашим тоном.

– Каким? – искренне не понял меня босс.

– Вот этим! – пояснила, как смогла.

Очевидно, вышло не очень. Он чуть приподнял бровь.

– Обычно вы прекрасно справляетесь с любым моим тоном.

А что я? Я... глубоко вдохнула, медленно сосчитала до пяти.

Не помогло!

Потому что в этот момент до меня дошло главное. Это была моя вина. Всецело и исключительно моя. Если бы я не оставила договор аренды на столе, ничего из этого бы не случилось. Но я оставила. И теперь мой начальник в моём отпуске.

И ладно бы только это!

Медленно выдохнув, я поднялась с дивана и выпрямилась, стараясь вернуть себе хотя бы остатки профессионального достоинства. Получалось не очень. Особенно, если учитывать, что стоящий напротив мужчина прекрасно помнил, как минуту назад я тарасилась на него, словно впечатлительная школьница на постер кей-поп звезды.

Нет, ещё и об этом я сейчас думать не буду!

У меня была задача важнее.

– Хорошо, – подвела я нехитрый итог уже вслух, очень стараясь говорить с той деловой собранностью, которую обычно включала на переговорах с особо капризными клиентами. – Это решаемо.

Михаил Ефимович слегка склонил голову, а в его глазах мелькнул вполне ожидаемый интерес.

– Даже не сомневался, что вы попробуете.

Я предпочла проигнорировать эту реплику и уже набирала номер хозяйки. Благо, она ответила почти сразу.

– Софья Андреевна? Вы заселились? Всё в порядке?

Судя по голосу, женщина искренне надеялась услышать именно это. Мне даже стало немного жаль разрушать её иллюзии. Но лишь немного. Благополучие собственной жизни было куда важнее.

– Добрый день, – поздоровалась я в ответ. – Скажите, пожалуйста, а у вас есть ещё свободные домики? Не слишком близко от того, в котором живу я. Желательно на другом конце побережья.

На том конце связи повисла короткая пауза.

– А что случилось?

Я скосила взгляд на Яхонтова. Тот стоял, скрестив руки на груди, и с вежливым интересом наблюдал, как я пытаюсь устранить последствия собственного идиотизма.

– У меня тут случилась небольшая организационная накладка, ничего такого, что относилось бы к вам, но я буду очень признательна за вашу помощь, – пояснила я максимально нейтрально.

Михаил Ефимович тихо усмехнулся. За что и удостоился от меня взгляда, который в любом другом, гораздо более идеальном мире должен был немедленно обратить его в пепел.

К сожалению, мир был не другой, а лишь этот, и он снова подвёл.

– Сейчас посмотрю, – бодро отозвалась между тем хозяйка.

Послышалось шуршание, щелчки клавиатуры и приглушённый разговор на заднем фоне с кем-то ещё. Я терпеливо ждала, попутно мысленно представляя, как через десять минут Яхонтов переселится в любой другой домик, а я наконец приму душ, дождусь Саида из автомастерской с моими вещами, затем лягу спать и утром вспомню весь этот вечер, как тяжёлую галлюцинацию.

Вот только пауза затягивалась.

А у меня внутри нарастало нехорошее предчувствие...

И когда хозяйка наконец заговорила снова, по её голосу я сразу поняла, что ничего хорошего сейчас не услышу:

– Софья Андреевна... тут такое дело... Все дома заняты, – виновато сообщила она. – Сезон сейчас в самом разгаре.

– Совсем ничего? – уточнила я, всё ещё надеясь на чудо.

Чудо не произошло.

– Есть соседний домик, но он освободится только через два-три дня. Раньше никак.

Я молчала. Смотрела в стену и пыталась осознать услышанное.

Два-три дня...

Наедине с моим невыносимым боссом. Под одной крышей.

Вселенная определённо меня ненавидела!

Глава 4

– Софья Андреевна? – осторожно позвала хозяйка, потому что за всеми своими мрачными мыслями я забыла ей ответить.

Пришлось возвращаться в реальность.

– Спасибо. Я поняла. Но если что-то вдруг освободится пораньше, пожалуйста, дайте знать, хорошо?

– Хорошо.

Завершив звонок, я медленно отодвинула телефон от уха и сжала гаджет в кулаке так крепко, будто хваталась не за средство связи, а как минимум за спасательный круг среди бушующего океана.

В комнате повисла тишина.

Тот особенный её вид, который возникает только перед природными катаклизмами или особо неприятными кадровыми совещаниями. Я подняла взгляд. Михаил Ефимович смотрел в ответ так, словно только что и сам просчитал уже все варианты развития событий, но не нашёл среди них ни одного удовлетворительного.

Наверное, я выглядела примерно так же.

Несколько долгих секунд мы просто молчали.

Потом я твёрдо произнесла:

– Нет.

Он чуть кивнул.

– Согласен.

– Тогда уезжайте.

На лице Михаила Ефимовича не дрогнул ни один мускул.

– С чего бы уезжать именно мне? – озвучил вполне резонный вопрос.

Ну, по его версии резонный. Я же опять едва сдерживала захлёстывающую разум волну раздражения.

– Прекрасно. Тогда уеду я.

– Куда?

Я открыла рот. И закрыла его обратно.

Потому что... понятия не имела!

Можно было, конечно, попробовать снять номер в отеле, вот только все свои свободные средства я уже потратила на аренду этого дома. Ещё можно было бы гордо отправиться ночевать на пляж, но очень уж сомнительно выглядела перспектива провести отпуск, обнимая случайный шезлонг или объясняя местным полицейским, почему помощник руководителя крупнейшего холдинга спит в кустах.

Тишина в маленькой гостиной становилась почти осязаемой, густой и неудобной, как слишком тесная одежда. За окнами шумело море, где-то вдалеке лаяла собака, и весь этот уютный курортный покой казался особенно издевательским на фоне того, что происходило внутри дома.

Наконец Михаил Ефимович внёс предложением:

– Полагаю, нам следует установить правила.

Правила, регламент и чёткие договорённости – это то, что всегда возвращало мне контроль над ситуацией. Если нельзя избавиться от Яхонтова физически, значит, его придётся структурировать.

Это лучше, чем ничего, поэтому я подняла подбородок и кивнула.

– Согласна. И первое правило: никаких рабочих поручений.

Босс, явно не ожидавший от меня ничего такого, недоумённо приподнял бровь, будто реально искренне удивился такой дерзости.

– Даже если возникнет срочная необходимость? – прищурился.

– Даже если на фирму нападут налоговая, конкуренты и настанет конец света, – охотно и незамедлительно подтвердила я.

На его губах дрогнула тень улыбки. Совсем лёгкая, почти незаметная, но от этого почему-то ещё более опасная.

– Хорошо. Тогда сначала конец света, потом поручения, – согласился со мной на свой лад после недолгих размышлений он.

Я закатила глаза. Но не стала комментировать его колкость.

– Второе, – продолжила, стараясь говорить максимально сухо, копируя его тон, – ванная по графику. И стучать.

Его взгляд медленно скользнул по мне, задержавшись где-то в районе солнечного сплетения. Совсем коротко. Но этого оказалось достаточно, чтобы по спине пробежала подлая горячая волна мурашек.

Убедила себя, что они неприятные.

– Разумное требование, – согласился Яхонтов. – Особенно если учесть вашу склонность эффективно появляться в дверных проёмах.

На этот раз колкость достигла цели. Щёки вспыхнули так предательски, что захотелось немедленно нырнуть в ближайший сугроб. Желательно где-нибудь на его несостоявшейся Аляске.

– Это была случайность, – напомнила.

– Разумеется, – не стал оспаривать босс.

А мне этот его идеально вежливый тон захотелось официально запретить трудовым законодательством. Но вслух я ничего такого, разумеется, не сказала. Глубоко вдохнула и решительно перешла к главному:

– Спальня моя.

Михаил Ефимович посмотрел на дверь за своей спиной, затем снова на меня. Во взгляде появилось любопытство человека, которому предложили ознакомиться с особенно спорной юридической позицией.

– На каком основании?

– На том, что этот дом снимала я.

Он чуть склонил голову.

– Но заселился первым я.

И ведь возразить было нечего. Технически он действительно был прав, а это всегда делало ситуацию особенно невыносимой.

Но это не значило, что я сдаюсь.

– То есть вы всерьёз собираетесь отжать у меня спальню, прикрываясь каким-то только что придуманными формальностями?

– Я лишь придерживаюсь фактов, – сохранил собственную невозмутимость Михаил Ефимович.

– Какая удобная жизненная позиция, – показательно фыркнула я.

– Обычно она экономит время, – пожал он плечами.

Я смотрела на него несколько секунд, неохотно понимая, что спорить бесполезно. Этот человек в принципе мог с одинаковым хладнокровием выиграть тендер на несколько миллионов и логически обосновать, почему именно ему должна достаться последняя булочка в корпоративной столовой. Всегда так было. Так смысл нарываться?

Именно поэтому в следующую секунду меня осенило.

Я нарочито медленно улыбнулась. Улыбнулась ровно настолько, чтобы у любого, кто знал меня достаточно хорошо, возникло стойкое желание немедленно проверить страховку. А Яхонтов за всё время нашей совместной работы знал меня более чем хорошо.

Прищурился. Заподозрил подвох.

Но было поздно.

– Хорошо, – согласилась я. – Спальня ваша.

Дождаться его ответной реакции я не стала. Неторопливо прошла к кухонной зоне, открыла один из шкафчиков и, обнаружив внутри целую батарею стеклянных банок со специями, задумчиво достала самую большую. Потом повернулась к нему и уточнила:

– Михаил Ефимович, вы ведь чутко спите, да?

Он прищурился сильнее и скрестил руки на груди.

– К чему вы ведёте, Софья Андреевна?

Я улыбнулась ещё мягче, совсем уж ласково. Так обычно улыбаются люди, заранее знающие исход устроенных переговоров.

– Да так. Просто размышляю, сколько существует способов испортить сон человеку, который украл мою спальню.

Несколько секунд Яхонтов молча смотрел на банку в моих руках, потом перевёл взгляд на моё лицо. И впервые за весь вечер я увидела в его глазах не снисходительное спокойствие, не сухую иронию и даже не раздражение. Он наконец понял, с кем связался.

Наконец-то мы начали говорить на понятном мне языке.

И эта маленькая, но победа, согрела мне душу.

Я не питала никаких иллюзий насчёт того, что Михаила Ефимовича можно всерьёз напугать перспективой мелкого бытового саботажа и уж тем более банкой со специями, но выражение настороженного недоверия, мелькнувшее в его глазах, определённо стоило всех моих сегодняшних страданий и унижений. С этой мыслью я демонстративно пожелала своему боссу спокойной ночи таким тоном, каким обычно желают успешного аудита особо неприятным контрагентам, затем демонстративно щёлкнула выключателем освещения в гостиной и не менее демонстративно устроилась на диване, прихватив с кресла плед. На самом деле за окном даже отдалённо не начинался закат и ложиться спать было более чем рановато, но моё проснувшееся упрямство такие мелочи не заботили.

Я слишком устала с дороги.

Дом быстро погрузился в тишину. За окном продолжал шелестеть ветер, где-то далеко плескалось море, о карниз лениво постукивала ветка, и после сумасшедшего дня это действовало почти убаюкивающе.

Я лежала на спине, глядя в потолок, и чувствовала, как наконец отпускает напряжение. Яхонтов, к моему счастью, ушёл.

Если не думать о том, что за тонкой стеной находился начальник, отпуск даже начинал напоминать реальный отпуск.

Хотя бы отдалённо.

Пролежав так какое-то время, я позволила себе закрыть глаза и начала мысленно составлять план завтрашней маленькой мести.

Например, можно было бы встать на рассвете и открыть настежь все окна в доме, в том числе спальне. Судя по тому, как идеально сидели на Яхонтове костюмы даже в тридцатиградусную жару, он явно предпочитал прохладу. Или можно было включить где-нибудь на кухне местное радио с особенно темпераментной лезгинкой. Или невзначай занять ванную минут на сорок. А ещё лучше часа на два.

Чем дольше я думала об этом, тем приятнее становилось на душе...

Кажется, я даже начала действительно засыпать.

Кто знает, может, и вправду бы заснула.

Но именно в этот момент со стороны спальни раздалось негромкое, но настолько неожиданное, что я вздрогнула всем телом:

– Софья Андреевна.

Сон мгновенно исчез. Я распахнула глаза и несколько секунд молча смотрела перед собой, будто надеялась, что мне показалось.

Не показалось.

– Что? – выдохнула я шумно, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Пауза вышла достаточно длинной, чтобы я успела пожалеть, что вообще ответила. А потом Михаил Ефимович вдруг произнёс:

– Раз уж мы временно живём вместе, рекомендую впредь выбирать менее откровенное бельё.

Несколько секунд я просто лежала, не в силах пошевелиться. Мозг отказывался воспринимать услышанное. Мне даже в какой-то момент показалось, что я тупо ослышалась. Но нет.

Михаил Ефимович Яхонтов только что реально сделал мне замечание по поводу моего нижнего белья?!

Да таким ледяным тоном, как если бы речь шла о неверно оформленном годовом отчёте...

Я открыла рот, собираясь ответить что-нибудь убийственно язвительное, но прежде, чем успела издать хоть звук, он добавил:

– Оно слишком отвлекает.

И вот тогда мой дар речи окончательно пропал. В голове стало оглушительно пусто. Я лежала на диване, чувствуя, как сердце сначала пропустило удар, потом ухнуло куда-то вниз, а потом пустилось вскачь с такой скоростью, словно решило срочно покинуть организм.

А потом до меня дошёл и тот факт, что Михаил Ефимович Яхонтов, мало того, что теперь жил со мной под одной крышей, последние несколько минут, судя по всему, думал о моём белье.

И мой отпуск становился по-настоящему опасным.

Глава 5

Проснулась я так резко, будто кто-то невидимый бесцеремонно выдернул меня из сна за шиворот и швырнул обратно в реальность. Несколько секунд я лежала неподвижно, глядя в белый потолок и не сразу понимая, где вообще находилась. Незнакомая комната, тонкий запах водорослей, доносящийся сквозь приоткрытое окно, мягкий плеск волн где-то в отдалении, ленивые крики чаек... Сознание медленно собиралось по кусочкам, и вместе с ним возвращались воспоминания.

Каспийск. Дом у моря. Отпуск.

И мой чемодан, до сих пор катающийся где-то по Дагестану вместе с ковром чьей-то тётки, потому что Саид так и не приехал, не перезвонил.

И чего я сразу не забрала у него из багажника все свои пожитки, воспользовавшись услугами Рашида?..

Эх, как говорится, умная мысль...

К тому же отсутствие шмоток было не самым худшим. Гораздо хуже вспоминалось непосредственное наличие босса, который вчера самым хамским образом сообщил мне, что моё бельё его отвлекает.

Куда только катится наш корпоративный мир!..

Я резко села на диване и тут же глухо застонала, потому что шея после сна в неудобной позе отблагодарила ноющей болью.

За всю ночь мне так и не удалось нормально уснуть. Стоило только провалиться в дрему, как мозг услужливо подсовывал одну и ту же картинку, где царила крошечная темнота, а в ней жил низкий мужской баритон из соседней комнаты и это невозможное, совершенно неуместное замечание о моём белье, произнесённое с такой интонацией, словно босс обсуждал не мой внешний вид, а необходимость скорректировать бюджет на следующий квартал.

И хуже всего было то, что мне вдруг нравилось, *как* это прозвучало...

Не сама фраза. Конечно нет.

А эта его треклятая интонация. Сдержанная, спокойная, чуть хрипловатая и оттого особенно завораживающая.

М-да...

Наверное, от недосыпа я тронулась умом!

Я стиснула виски, будто это могло помочь вытрясти из головы остатки вчерашнего позора. Заодно прислушалась к тому, что происходило в доме. И первым, что я опознала, был плеск воды.

Яхонтов уже проснулся.

Наверняка даже выпался идеально. Люди вроде Михаила Ефимовича вообще не страдают от бессонницы. Такие, как он, закрывают глаза ровно в двадцать три ноль-ноль, а в шесть утра уже бодры, свежи и готовы морально уничтожить подчинённых.

Я мрачно сползла с дивана и кое-как поправив пальцами растрёпанные волосы, направилась на кухню с твёрдым намерением хотя бы сделать себе кофе прежде, чем столкнусь с очередным ударом по психике.

И, конечно же, столкнулась.

Михаил Ефимович вышел из ванной аккуратно в тот момент, когда меня посетила тоскливая мысль...

Запретить ему что ли мыться?

К сожалению, на самом деле ничего запрещать я своему боссу не могла. Разве что самой себе. Например, больше не смотреть в его сторону. Тем более, что на этот раз там и смотреть было особо не на что. Светлая футболка мягко обтягивала широкие плечи, влажные после

душа волосы были опять небрежно зачёсаны назад, и весь этот почти домашний, слишком живой для него образ выглядел настолько неправильно, что мне захотелось немедленно выйти. Не только из арендованного домика. Из этой реальности заодно. Желательно в любую другую жизнь, где не существует Яхонтова, который, ко всему прочему, моих моральных терзаний не замечал, был слишком занят, остановившись у кухонной стойки, чтобы налить себе кофе.

Кофе, к моему раздражению, тоже уже успел сварить.

Да и вообще выглядел так, словно каждое утро проводил именно так – в моём отпускном домике у моря.

– Доброе утро, Софья Андреевна, – обернулся ко мне как бы невзначай. – Выглядите невыспавшейся.

В уголках его губ появилась едва заметная усмешка. Я же медленно выпрямилась, собирая все жалкие остатки достоинства.

– А вы удивительно наблюдательны для человека, который мешал мне спать, – единственное, с чем нашлась.

Его бровь едва заметно приподнялась в мнимом изумлении. Несколько бесконечно долгих секунд он просто смотрел на меня, а потом совершенно спокойно ответил:

– Простите. В следующий раз постараюсь меньше думать вслух.

Вот же...

Лучше б молчал!

Но слова – не воробей, уже вылетели. И принесли моим щекам миготом приливший жар. Да чтоб этот Яхонтовский свет в оконце...

Судя по его самодовольному выражению лица, он прекрасно видел эффект от своих слов и совершенно искренне этим наслаждался.

Я уже открыла рот, чтобы выдать что-нибудь не менее язвительное и желательно убийственное, но в этот момент телефон в моей руке коротко завибрировал.

Саид.

Сердце, при виде номера таксиста, сделало радостный кульбит. Все мрачные мысли этого утра быстренько улетучились.

Я ткнула в экран так поспешно, что едва не выронила телефон.

Вот только... абонент оказался недоступен. Звонок оборвался.

Я моргнула. Посмотрела на экран ещё раз.

Ничего.

Стиснув зубы, я тут же набрала номер сама.

Тишина.

Потом механический голос сообщил, что абонент вне зоны доступа. Снова. И снова.

После пятой попытки наконец начать разговор, мне захотелось лично найти и закатать в тот самый злосчастный ковёр и Саида, и его машину, и всю его семью вместе с тещей.

Я даже почти собралась и в самом деле так поступить, но...

– Проблемы? – уточнил Яхонтов, ставя передо мной чашку с кофе.

Он. Чашку кофе. Сваренный им лично. Для меня.

Каюсь, где-то здесь мой мозг коротнуло...

В его вопросе не было издёвки, но мне всё равно почудился знакомый холодный сарказм. Наверное, потому что я слишком хорошо знала этого человека и в бескорыстные благие намерения не верила.

Но всё равно призналась:

– Таксист, у которого я вчера забыла свои вещи, обещал их привезти, но теперь недоступен, – сухо сообщила я, взяв чашку.

Яхонтов слегка склонил голову, словно тщательно обдумывал услышанное, а затем безупречно ровным тоном заметил:

– Как можно оставить багаж в чужой машине?

Как-как...

В моём случае, легко и просто!

Но это не значило, что я стану и его в то просвещать.

Просвещать реально не стала. Только медленно поставила чашку обратно на стол и улыбнулась той самой своей фирменной улыбкой, отработанной за годы работы в офисе Яхонтова, после которой контрагенты обычно начинали нервно уточнять, все ли пункты договора они прочитали достаточно внимательно.

Наверное, именно так люди и сходят с ума. Однажды утром ставят чашку кофе на стол, смотрят на собственного начальника, который невозмутимо пьёт этот самый кофе в их отпускном домике, и вдруг понимают, что если немедленно не сбегут хотя бы на пару часов, то либо кого-нибудь убьют, либо сами добровольно сдадутся психиатрам.

Яхонтов, кажется, тоже уловил что-то в моём лице, потому что слегка приподнял бровь и вопросительно посмотрел поверх чашки.

Я ответила ему ещё одной ослепительной дежурной улыбкой. И покинула кухню так решительно, словно это была самая важная стратегическая задача в моей жизни.

– Куда-то собрались? – донеслось мне вслед.

– Представьте себе, да. У меня отпуск.

Яхонтов на мои слова задумчиво склонил голову. Заметила, потому что в этот момент как раз сворачивала в сторону ванной.

– Надо же. А я уж начал думать, вы забыли.

Это был удар точно в цель. И потому я лишь сладко улыбнулась.

– Не переживайте. Я быстро наверстаю.

Не дожидаясь ответа, я наконец перешагнула границу помещения и захлопнула за собой дверь. Провела в ванной не меньше часа.

А как только я вдоволь насладилась водными процедурами и гостевым дорожным набором, заблаговременно оставленным тут хозяйкой дома, задерживаться под одной крышей с Яхонтовым тоже не стала. Подхватив телефон, я направилась напрямиком на выход.

И только оказавшись на улице, позволила себе выдохнуть.

Утренний Каспийск оказался удивительно живым. Солнце уже успело достаточно хорошо прогреть воздух, но жара ещё не стала ленивой и вязкой. Море пахло свежестью и солью, ветер трепал волосы, доносил с набережной музыку, смех и задорные голоса, а впереди, между невысокими домами, поблёскивала яркой лазурью вода.

Город просыпался неспешно и красиво, с той южной расслабленностью, которая для человека, пять лет жившего в ритме совещаний, дедлайнов и непрерывного «Софья Андреевна, зайдите ко мне на минутку», казалась почти неприличной.

Я шла вдоль улочки, чьего названия я даже не знала, и чувствовала, как с каждым шагом отпускает раздражение. В конце концов, что бы ни творилось вокруг, море-то никуда не делось. И отпуск тоже. А значит, пора переставать вести себя так, будто я всё ещё на работе.

Магазин пляжной одежды обнаружился почти сразу. Он был небольшим, светлым, с броскими витринами и улыбчивой русской продавщицей лет сорока, которая окинула меня быстрым цепким взглядом и с профессиональной уверенностью объявила:

– Вам нужен купальник, который заставит пожалеть минимум одного мужчину.

Я даже остановилась. Потом невольно улыбнулась.

– Это очень специфический запрос, вы же понимаете, да?

Женщина подмигнула.

– Самые интересные запросы всегда самые специфические.

Если бы кто-то ещё вчера сказал мне, что я буду обсуждать особенности мужского сожаления с незнакомкой в пляжном магазине посреди Каспийска, я бы посоветовала этому чело-

веку меньше смотреть романтические комедии. Но, видимо, отпуск действительно обладал необычайными свойствами менять мировоззрение людей.

Первые несколько моделей я отмела сразу. Слишком закрытые. Слишком невзрачные. Слишком похожие на ту Софью Белозёрскую, которая последние годы существовала исключительно в формате идеально выглаженных блузок и строгих юбок средней длины.

Потом продавщица молча протянула мне Его.

Глубокий, насыщенный, изумрудный оттенок купальника сразу приглянулся глазу. Высокая посадка подчёркивала талию, мягкий вырез открывал ровно столько, чтобы это выглядело дорого и провокационно, но не вызывающе, тонкие золотистые кольца на бретелях ловили свет так, словно были частью ювелирного украшения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.